

С. А. Виноградовъ.—„На солнцѣ“.

Выставка Союза Художниковъ 1916.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

ШОКОЛАДЪ КАКАО
ЖОРЖЪ БОРМАНЪ

№ 67.

1 ОКТЯБРЯ 1916 Г.
Отд. № шедѣ—95 коп.

1 ОКТЯБРЯ 1916 ГОДА
ПЕТРОГРАДЪ

Строителям, дома, определенноносящего отпечаток стиля конца и даже второй половины XVIII века, еще не Empire, а скорее Louis, являются Шербинины. В период времени от 1776 по 1824 г., по всякому случаю, возникла вышедшая усадьба.

Едва ли М. С. Весселовский прибавил много. Пожалуй, к этому времени относятся только некоторые служебные постройки—особенно оранжереи в типичном, стиль faux-gothique эпохи Николая I. К началу владения Должиковъ Голицыными отнесем беседки, в стиль шатерное. Самый же дом и первоначальная разбивка усадьбы с садом и оградой с воротами—конечно, не поздние начала XIX столетия.

Большой дом со стороны въезда имеет несколько видоизмененный переднюю колоннаду подъезда. Конечно эта деталь—тамбур, приклеенный к фасаду, не улучшает его. Благородный общий вид силуэта главного фасада украшен гербом, помещенным на балюстраду аттики. Кромѣ рустовки (очень мелкой, изобличающей стиль раннего классицизма) на боковых частях фасада и около среднего окна, да наличниковъ окон, ничто не украшает дома. По веру террасы (над колоннадой) имѣется прелестная (но поздняя) ампириная рѣшеточка.

Очевидно въ началѣ колоннада съ полукругомъ въ средней части представлялась въ иномъ видѣ. Конечно, не застеклены были междуколонныя выступы (что такъ утяжелило колоннаду и дало ей видъ именно тамбура) и не „засорена“ трельяжемъ колоннада: въ чистомъ видѣ они представляли болѣе стильный видъ. Но была эпоха, когда считалось холоднымъ, скучнымъ ограничиться колонной, какъ украшеніемъ. Была пора эпоха любви къ классицизму миновала и всѣмъ старались украсить, задекорировать* холодная, сухая—какъ казалось—линии колонн...

Фасадъ со стороны парка также нѣсколько искаженъ, но въ меньшей степени. Здѣсь лишь зелень обиваетъ колонны такъ густо, что пропадаетъ архитектурная композиція фасада, вся сила которой была именно въ томъ, чтобы два сильно выступающіе впередъ бока фасада, связать помощью колоннады.

Но что же удивляться людямъ 70—90 годовъ, если даже въ наше время, когда такъ много пишутъ о красотѣ ампира—мы встрѣчаемъ такую низкую оценку собственнаго прекраснаго достоянія владѣтелей отличнаго классическаго дома въ им. Исиды* Калужской губ. (В. Н. Кожинъ): „красный домъ и безликий и невыразительный, сундукъ длинный и больше ничего 1)“...

Между тѣмъ это говорится о домѣ съ благороднѣйшими, портикомъ изъ колоннъ, сложенихъ изъ дикаго камня съ высокими фронтономъ, въ серединѣ котораго гербъ, а стѣны дома—правда, оставленныя въ кирпичной кладкѣ—восхитительно украшены наличниками оконъ изъ дикаго камня въ стилъ рустованныхъ наличниковъ фасада Константиновскаго Артиллерійскаго училища. Получается что-то напоминающее голландскій ампиръ, т. е. рѣдкій примѣръ на фонѣ русскаго классицизма—такой своеобразной обработки. Такъ и въ Должикъ, колоннада садоваго фасада совершенно закрыта зеленью, видны лишь „драги“ трельяжа. А въ то же время владѣтели гордятся другою „колоннадою“ сербистыхъ топей у пруда, гдѣ стволы стѣльных гигантовъ образуютъ „подобіе“ анфилады колоннъ...

Хорошо боковой фасадъ дома: небольшая колоннада въ видѣ портика образуетъ балконъ, весь фасадъ разустованъ. Въ тимпанѣ фронтона огромное, смѣлаго очертанія полу-круглое окно.

На крышѣ дома помещенъ буфорокъ шпиль—покоится онъ не на куполѣ или шатрѣ, а просто на легкой деревянной ротондочкѣ, вращающейся въ крышу. Но это наименѣе нѣсколько и вовсе не конструктивное, а искусственное украшеніе оставляетъ милое впечатлѣніе.

Изъ другихъ построекъ усадьбы, повторяемъ, слѣдуетъ отмѣтить очень славную оранжерею и—по дорогѣ къ церкви—родъ амбаровъ, тоже не безъ отбѣга faux gothique.

Внутри домъ представляетъ несомнѣнно болѣе богатый видъ. Особенно хороша гостиная, выходящая окнами въ садъ. Здѣсь родъ лоджій за колоннами съ чудесной росписью плафона. Колонны тоже нарядны. Въ нѣсколько опорномъ залѣ типичны готическіе предметы мебели и убранства (хотя и поздніе по времени) и фамиліальные портреты, длинные въ черныхъ готическихъ рамкахъ.

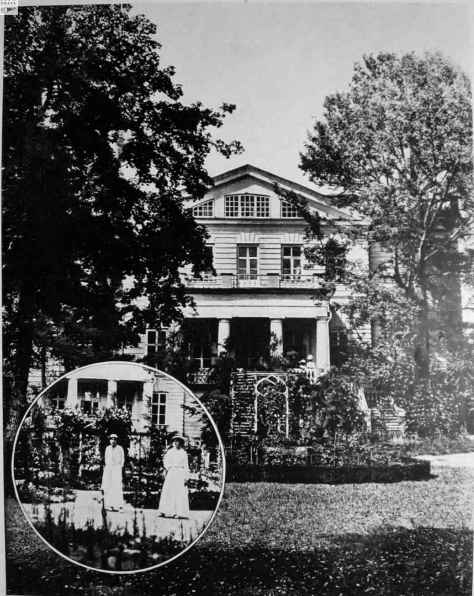
Въ кабинетѣ интересны украинскіе портреты и портреты кн. Крапоткина. Въ гостиной отличное полотно—не кисти ли Пуссана? Портреты копии (распространенная копия Рослина—Павелъ I и Имп. Марія Феодоровна), портретъ графа Сиверъ и друг.

Очень своеобразна лѣстница съ чудесными балюстрадами перилъ. По стѣнамъ лѣстничной кѣтки—панно, расписанное на сѣрой бумагѣ, подклеенной на холстѣ. Сюжеты—скачки, на фонѣ фантастическихъ парковъ. Въ уютныхъ комнатахъ антресольнаго этажа много интересной мебели, фарфора и прочихъ милыхъ вещей прошлаго столѣтія.

Г. Лукомскій.

Голубая гостиная.

Должикъ. Въ медальонѣ княгини З. Н. и княжна В. Д. Голицыны.

Составлено по материаламъ, пожалованнымъ
 гр. Н. В. Кашичкина, въ видѣ спонсорской
 книги о перепискѣ старинныхъ усадебъ.
 Снимокъ-эк. С. Д. Голицына.

Соб. фот. „Ст. и Уг.“

Дворец Великого Князя Алексея Александровича
въ Петроградѣ.

Столовая.

Построенъ въ пору упадка архитектурнаго творчества не только въ Италиі, но и по всей Европѣ, когда кончалась эпоха „Seicento Empire“; стѣна „Louis Napoléon III—Louis Philippe“, контрастируетъ коо бы ренессансныхъ формъ, съ тѣмъ называемого „вѣнскаго стиля“ съ парижскими „Louis XVI“.

По плану дворецъ, можетъ быть, представлялъ бѣльица удобства, но изъ его вѣнскихъ „отдѣловъ“ мало выражены, теплоты дворца. Это скорѣе какое-нибудь „собрание“. Подобнаго стиля жили дворцы, построенные въ то время, напр. дворецъ Е. И. В. Великаго Князя Александра Михайловича и нѣкая зданія (Малый театр, „дѣла Эрмитажа“).

МАРФО-МАРИНСКАЯ ОБИТЕЛЬ МИЛОСЕРДІЯ.

Въ ряду благотворительныхъ учреждений Москвы выдѣляется своей многосторонней дѣятельностью и особенностями своего строя Марфо-Мариинская Обитель Милосердія.

Здѣсь находятъ медицинскую помощь женщины, нуждающіяся въ операціяхъ или трудномъ лѣченіи. Больница небольшая въ виду того, что главная цѣль сестеръ — нести свою помощь въ стѣны Обители: въ покаяніи, чердаки и углы испокортой и вполнѣ обезсильнейшей нищеты.

Амбулаторія Обители, при помощи врачей и превосходно оборудованныхъ кабинетовъ, лѣчитъ бесплатно, съ даровой раздачей лѣкарствъ изъ своей аптеки, ежегодно по нѣскольку тысячъ бѣднѣе, не бросая ихъ и по излеченіи. Въ своей столовой она раздаетъ изъ дому бѣднымъ даровые обѣды, не менѣе 300 въ день; обучаетъ въ своей воскресной школѣ дѣвушекъ и женщинъ, работающихъ на фабрикахъ, въ мастерскихъ и т. п.; устраиваетъ духовно-нравственные собесѣдованія съ народомъ; выдаетъ бесплатно желающимъ изъ своей библіотеки книги; въ своемъ пріютѣ воспитываетъ дѣвочекъ-сиротъ. Великая Княгиня получаетъ до 12.000 прошеній въ годъ, которыя главнымъ образомъ проверяются сестрами.

Великая княгиня Елисавета Феодоровна, посвящая свою жизнь обездоленнымъ людямъ, рѣшила создать для помощи юмъ свое, въ

Марфо-Мариинская обитель въ Москвѣ.

духъ ученія Христа, учрежденіе милосердія. Принимъ въ 1910 г. посвященіе отъ Московскаго Митрополита Владимира, Великая Княгиня стала Настоятельницей Обители. Старшія сестры Обители также получая нѣрѣдкое посвященіе на свое служеніе Обители. Устроена она и оборудована на собственные средства Ея Высочества и немногихъ благотворителей; жизнь ея базируется на иконостасѣ.

Своепослушныя сестры Обители несутъ и въ ея храмахъ ещеніемъ и пѣніемъ, и работами въ ея дѣшевыхъ учрежденіяхъ въ видѣ медицинской помощи и ухода за больными, и трудомъ въ аптекахъ, и рукодѣліемъ въ мастерской, и обученіемъ дѣтей въ школѣ, и посвященіемъ бѣднѣе за стѣнами Обители въ юннннхъ нищеты. Великая война 1914—1916 годовъ наложила на это учрежденіе новую обязанность.

По волѣ Государя Императора Великая Княгиня Елисавета Феодоровна заводитъ благотворительной помощью юнннхъ въ Москвѣ и Московской губ., и въ стѣхъ съ тѣмъ имѣетъ поощреніе о семннхъ лншъ, призванныхъ на войну.

Марфо-Мариинская больница прерываетъ въ лазаретъ 1-го разряда, и сестры Обители посвящаютъ юнннхъ свой трудъ, а также ннхъ своинхъ стѣхъ работать въ

Е. И. В. Великая Княгиня Елисавета Феодоровна.

Дети за-
 пасныхъ
 въ пріютъ
 Комитета
 Великой
 Княгини
 Елисаветы
 Феодо-
 ровны.

отдаленіи лазарета, въ своемъ Убѣжищѣ
 для слѣпыхъ, больныхъ и въ лѣтучихъ отря-
 дахъ, въ командахъ выздоравливающихъ
 и въ учрежденіяхъ Комитета Ея Высочес-
 тва: какъ исл, дешевой квартиры и
 столовой.

Въ настоящее время Обитель прию-
 тила въ своихъ стѣнахъ Холмскій жен-
 скій Турковскій монастырь съ его учре-
 жденіями (120 монахинь и до 200 дѣтей).

Великая Княгиня съ дѣтьми
 пріюта Марфо - Маріинской
 общины.

„Осенняя пьеса“.

Рис. Поддубная.

„Сп. и Зв.“ № 87.

МОЩЕРТЪ И САЛЬЕРИ* ПУШКИНА.

Судите музъ
Не терять сути.
(Пушкин).

Недавно на страницах периодической печати была полемика по поводу одного из самых глупых произведений Пушкина — «Мощертъ и Сальери». Появилась старая истина: Сальери не могъ опередить Мощерта, первый слалъ и создавалъ превосходство вала собою послѣдующа и т. д.; указывались неточности, напр., Михаилъ Анджело не имѣлъ права на званіе: «Создатель Ватикана» и т. д. Какъ будто авторъ былъ заинтересованъ въ установлении исторической истины, а не только пользовался дошедшимъ до него смутнымъ извѣстіемъ о преступленіи для воплощенія своихъ глумящихъ идей. Не затрагивался вопросъ—правильно ли до сихъ поръ толковалось это произведение... Между тѣмъ изъ произведений Пушкина именно «Мощертъ и Сальери» особенно не поспятились въ нашей школьной литературѣ, вообще сказочной кр. рутинѣ и схоластики. Во всѣхъ нашихъ популярныхъ книжкахъ и учебникахъ повторяется одно и то же рутинное сужденіе: бездарный завистникъ Сальери превращаетъ гениальнаго и небогатородовѣрнаго Мощерта. Такой характеръ имѣло это произведение и въ исполнении Московскаго Художественнаго театра.

Между тѣмъ, что тутъ достойнаго пера великаго поэта? Истинная трагедія, когда преступленіе совершается сильной и глумокой натурой по имъ высочайшъ идей,—такимъ и есть Сальери Пушкина. Въ самомъ дѣлѣ развѣ мелкій завистникъ, движимый исключительно жадностью славы, можетъ такъ чувствовать искусство:

«Родился я съ любовью къ искусству;
Ребенкомъ будущи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
Я слушалъ и заслушивался—слезы
Невольныя и слезки текли»...

Его удерживала отъ самоубійства мысль:
«Быть можетъ постигнуть меня носторжъ
И творческая ночь и вдохновеніе;
Быть можетъ новымъ Гайднѣмъ сотворить
Вѣленье—и наслажденье имъ»...

Онъ привыкъ подходить къ искусству, какъ жрецъ къ жертвеннику; всякое другое отношеніе къ искусству его возмущаетъ. — И ты събитыя можешь!... говорить ему Мощертъ по поводу игры сагного музыканта:

«Ты,
Мнѣ не снѣшно, когда фигура негодный
Мнѣ пачкаетъ Мадонну Рафаэля,
Мнѣ не снѣшно, когда маляръ презрѣнный
Пародіей безстыдно Адажери».

Онъ возмущался, когда успѣхъ вѣнчалъ достойнаго, но его мнѣнію, головы людей, которые такъ же, какъ онъ относились къ искусству. Онъ не замечалъ, напримеръ, «великому Гауку», когда тотъ открывалъ новые тайны» («Глубокие, палительныя тайны...», а «бодро» и «бероповно» возмѣхъ успѣхъ за нимъ).

Онъ ставъ заповѣдью только тогда, когда удивился, что правды мнѣ не только на землѣ, но и выше:

«Гдѣ яъ правота, когда связанный даръ,
Когда бессмертный гений не въ награду
Любви горящей, самоотверженія,
Трудова, усердія, молений посылаетъ,
А одаряетъ голову безумца
Глукии празднаго»...

Сальери — олицетвореніе мысля самого нашего великаго поэта: сужденіе музъ не терять сути...; напротивъ Мощертъ искренно синтезируетъ себя и другихъ, «схотнаго прекраснаго жреца», «счастливца прайзнымъ». Какъ жрецъ, Сальери оскорбленъ; онъ рѣшается положить руку на того, кто неосторожно приближается къ его божеству.

Но какими бы высокими цѣнами ни руководствовался преступникъ, преступленіе остается преступленіемъ. Подобно Канну Байрона, «принесенію въ мѣръ смерть, которую она несливать не знала», Сальери мучится ужасное сознаніе совершающаго... Онъ восклицаетъ:

«...Я же гений? Гений и злодѣйство
Дѣвъ вещи несомнѣныя. Неправда:
А Божароттъ? Или это сказка
Тумовъ, бессмысленной толпы—я не былъ
Убийство создателя Ватикана?»

Сальери Пушкина является богоборцемъ; онъ борется съ мировой несправедливостію, какъ ее понимаетъ. Глубокое сознаніе Пушкина должно занять мѣсто въ дивномъ развѣ аналогичныхъ произведеній отъ книги Юва до «Фауста» Гете, «Канна» Байрона и послѣдующихъ. Это не значитъ, что лицо, создающее великія поэмы, должно быть точнымъ свѣтломъ съ историческаго лица, носившаго то же имя; развѣ, напримеръ, Донъ-Карлосъ, созданный Шиллеромъ, является скопомъ съ историческаго крѣпа, носившаго это имя? Или Фаустъ Гете—съ Фауста легендарнаго? и т. д.

В. Цмопсовъ.

ИЗЪ ЭКЗОТИЧЕСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— Никогда не могу вспомнить фамилію этого азіатскаго писателя, который написалъ книгу о религіи Бирмы. Помните, эта удивительная религія вселенія и споконствія...

— Тамъ это религія: у людей высшей культуры—это вселеніе является результатомъ мысленія. Чѣмъ культурнѣе человекъ, тѣмъ меньше лажно быть ему свойственно чувство мести.

— Съ этимъ трудно согласиться... Местъ и оскорбленіе самолюбію очень тѣсно связаны.

— Когда я встрѣчаюсь съ человекомъ, а жармие увѣренъ, что главнымъ руководителемъ его поступковъ будутъ личный интересъ, корысть, личный выгода, и я нисколько его не осуждаю, я нисколько не разочаровываюсь въ немъ, когда узнаю объ этомъ...

— У меня совершенно противоположное представленіе о людяхъ. Я вѣрю, что въ каждомъ человекѣ есть хорошее и нужно только сумѣть разбудить эти лучшіе звуки души... Зато для меня тѣмъ больше разочарованіе.

— Пѣть здесь назваъ въ Шорихъ былъ всемирный химическій конгрессъ. Профессора химіи, представители разныхъ государствъ, въ торжественномъ застѣваніи говорили рѣчи, каждый отъ имени своей страны. Наму, проф. Люнге, одному изъ виднѣйшихъ европейскыхъ химиковъ, тоже предложилъ произнести рѣчь.

— Я представилъ химію, а не государственнѣ отълихъ проф. Люнге.

— Интересно, какъ онъ держитъ себя теперь, когда самые лучшіе умы міра и тѣ авралълись шовинизмомъ?...

— Войай!.. Представьте себѣ такую картину.

Пожарщикъ. Все сгорѣло, домъ, искусство, которое въ немъ было, всѣ дорожки жизни въ немъ предметы—аошала, любимая собака—все. Ничего не было застраховано... Въ этомъ былъ весь капиталъ назиданія.

Еще дымится пожарщикъ, дымъ ѣстъ глаза, вѣтеръ разноситъ обгорѣлыя обрывки книгъ, обоевъ, писемъ, засветъ подъ ногами осколки стекла, вознотся остатки знакомыхъ предметовъ. Торчитъ черный остоу, большой веши...

А владѣлецъ дома съ дѣтми, вѣнчикъ ихъ за руки, плачутъ на этомъ пожарѣхъ дикую пѣсню. Сѣется, холодеетъ—вылоса растрепалась, глаза горятъ, и ему кажется, что все очень хорошо, весело, лучше чѣмъ было, нужно радоваться... И дѣйствительно весело!

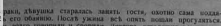
Вотъ такое настроеніе было тогда...

— Вы страннѣй человѣкъ. Васъ иногда сонмъ не утѣшались одними людьми въ такой, съ другими сонмъ не можай, точно ній человекъ.

— Такъ и должно быть. Въ наше время иначе нельзя. Со всѣмъ нужно быть не тѣмъ, чѣмъ хочешь и только съ неможимъ можно быть такимъ, какимъ хотѣлъ бы быть всегда. Современный человекъ—это илто прода фокснго портсигара: съ одной стороны открыто—пусто, съ другой—оказываются пайросы... Или такъ—съ съ одной стороны пайросы плаже, для массоваго потребления, для кого придется, а съ другой стороны—только для себя и для тѣхъ, кто дѣйствительно оцѣнитъ ихъ качество. А тотъ, кто открываетъ пустую сторону, тоже думаетъ, что видитъ весь портсигаръ...

1894, Ladies Field*.

[illegible]

Le № 53

[illegible]

но доносился до нас, хотя мы уже успевали спугнуться из-за этого. Наше шествие должно было, со стороны преставления, итти по какой-то картине. В одной из дверей третьего показались блондинка красивая голова молодого англичанина, съезжающего отъ съ пробормотал. Всплывая на нас, онъ вскрикнул: „What is the matter?“ воскликнул она, и к посланику сообщил ему причину нашего странствования. Онъ еще громче разсказал: „Охота какъ не спугнуть такъх пустяков. Let the accused thing play!“ Потом, испугавшись, начал фальшиво по паву, оны пригласили: „Don't be afraid little girl“. Его поступокъ не смущал меня, а скорее обрадовал. Онъ былъ первый не растерявшийся и бодрый среди насъ. Я даже не вспоминаю о томъ, что мои волосы распущены, что, кроме тонкого халатика, рубашки и туфель на босу ногу, на мнѣ ничего не надето. Зато его голубую полосатую рубашку и красоту его лица и фигуры я какъ-то машинально замѣтила. Онъ стоялъ на пороѣхъ своей комнаты, всесло ботанъ и разсказывая меня, когда случались явныя несогласия. Наше маленькое общество, все время державшееся кучкой, исподтишка и рѣзко метнулось въ сторону, одну минуту пристально посмотрѣло на меня и на англичанина и вдругъ неудержимо бросилось бѣжать отъ насъ такъ же, какъ немного раньше бѣжали отъ меня сестра и дядей, молча, не оглядясь, по длинному корридолу. Отъ быстрого бѣга туфли свѣши, и туфли спалили по коверу. Всѣ наконецъ исчезли за поворотомъ. Корридолъ потонулъ въ мраке. Мы стояли совсѣмъ одинъ съ англичаниномъ, а тамъ, наверху, удивительно отчетливо и громко продолжали играть пианино. Я невольно, въ страхъ, прижалась къ англичанину, ища и прося его защиты. Меня не удивило, что онъ крепко обхватилъ меня и прижалъ къ себѣ. Въ головѣ шевельлась одна неопредѣленная, тревожная мысль. Вѣроятно, пуская, только бы онъ не оставилъ меня здѣсь одну! И вдругъ, въ темнотѣ, все яснѣе и ближе зашевелились, зашевелились несравненно, нечеловѣческими губы: „Is, is!“ И я не знаю, что было страшнѣе: звуки шансонетки или эти странные, тихіе звуки, которые были вскорѣ кругомъ и вѣдѣть съ тѣмъ нигдѣ. Руки англичанина становились смѣтле. Я чувствовала горячее дыханіе и торопившие

плывы, расставлявшие мой лаватикъ. Онъ больше не смѣлся. Я невольно попробовала отстраниться. Тогда снова рѣзались это голосъ, но замѣнившись, злобой и глухой. „Ваша же упрямость отъ меня. Куда вы пойдете? Туда, наверно, такъ играть шлохъ, какъ всѣмъ не было?“ И отъ жуткаго воспоминанія словъ его тогдашней пробѣлы по снѣгу, а руки его становились не только ладны, но и болѣли! Онъ неистовственно росъ! Изъ величія меня ужасался. У лѣваго плеча не бывало такъх рукъ. Память его какъ-то невольно отдала, а ладони дождались до меня. Съ откровеніемъ и страхомъ вытаскала я освободиться. Я поняла, наконецъ, что самое ужасное было отъ самъ, именно отъ, а не голосъ, не пианино, не окружающий мракъ. Огромныя руки сползали по шее, по груди. Стиснула зубы, а начала бороться и бороться въ этихъ страшныхъ, нечеловѣческихъ рукахъ, но и руки и ужасъ душили меня. По-счастію, что я помню, было то, какъ онъ грубыми движеньями поднималъ меня и несъ въ свою комнату. Потомъ наступила темнота и полное забвение всего окружающаго... Очнулась я на зарѣ. Скорѣй лези, пробивалась въ окно. Я лежала на кровати. Въ комнате слышалъ шумъ бѣлорычій. Погуляла, востановилась, отдала время задремать на полу. Я извлечу изъ себя и оберну: отъ моего халатика и рубашки оставались какіе-то жалкіе клочки, длинными полосами неузнаваемой матеріи. Руки, ладони и грудь были покрыты безобразными потликами, шкелъ опухли. Я попробовала встать, но была такъ разбита, такъ измучена, что не могла держаться на ногахъ, а только ползала, на колѣняхъ, пыталась добраться до двери. Въ душѣ было глухое отчаяніе, ужасъ и ясное сознаніе того ужаснаго и испорченнаго, что случилось со мною. Самое ужасное, что можетъ случиться съ женщиной, быть можетъ, даже хуже смерти. Едва явилась, разбитая и жалкая, и выпала изъ комнаты и немалую половину полуночи. Наверху, на бывш. фарфоровой площадкѣ отчетливо видѣлся № 53!

Тутъ я... проснулась.

Бар. Лавина.

„ВАСИЛЬВКА“

усадьба Н. В. Гоголя.

Маленькая усадьба „Васильевка“, Полтавскаго уѣзда, по соседству съ „Диканькой“ князей Кочубеевъ, описанной въ № 66 „Столицы и Усадьбы“, въ настоящее время принадлежить Ольгѣ Васильевнѣ Головиной, сестрѣ писателя.

„Диканька“ — это богатая, роскошная усадьба; „Васильевка“ — маленькая, скромная, съ домомъ почти деревенскимъ, но дорогая каждому русскому тѣмъ, что она связана съ именемъ Гоголя.

Въ только что вышедшей вторымъ изданіемъ книжкѣ „Дорогія мѣста“ (подъ редакціей И. А. Бѣлоусова) напечатаны интересная воспоминанія А. Мошнина о поѣздкѣ его въ „Васильевку“ въ маѣ 1903 г. Приводимъ выдержки этихъ воспоминаній.

Старый домъ Н. В. Гоголя, къ сожалѣнію, сломанъ, и сломанъ, какъ это видно изъ записокъ Мошнина, по странной, чисто-русской причинѣ: по презрѣзуду, будто надъ домомъ тяготѣло несчастье, будто изъ-за этого дома въ семьѣ Гоголя рано умирали всѣ мужчины!..

Здѣсь же мы помѣщаемъ дѣтъ фотографіи: домъ Н. В. Гоголя до его сломки и церковь Диканьки, которая описана въ „Ночи подъ Рождество“, которую раскрывала кузнецъ Вакула, въ которую ходила Оксана!..

Вотъ, показавшаяся близкая церковь Васильевки и барскій домъ, я построенъ, и садъ. Черезъ несколько минутъ мы подѣлажи къ дому Ольги Васильевны Гоголиной.

На террасѣ встрѣтили меня ее анукъ, 13-лѣтній Сережа Головинъ, и бывшая гувернантка она Сержа, старушка Елизавета Ивановна Фарфуровъ. Они любезно приняли меня, познакомили.

Ольга Васильевна сейчасъ выйдетъ, — сказала Елизавета Ивановна и провела меня въ комнату, гдѣ помѣщаются гостиная и столовая мѣстѣ.

На стѣнахъ портреты. Портретъ Н. В. Гоголя масляными красками, по сторонамъ старые портреты его матери и тетки, тоже масляными красками; на другой стѣнѣ такіе же портреты сестры

и бабушки Н. В. Гоголя и между ними большой портретъ-фотография съ. Ольга Вас. Вас. Гоголиной.

Послѣ обѣда мы заговорили съ Сержей Головиной отправившись гулять. Сначала посмотрѣли школу, которая въ мѣстѣхъ родителей Н. В. Гоголя, въ оградѣ церкви. На помѣщеніи крестъ надписи: „Василій Афанасьевичъ (род. 1777 г., скон. 1825 г.) и супруга его Марія Ивановна (род. 1791 г., сконч. 1868 г.) Гоголь. Мѣръ праху вѣншему!“

Посмотрѣли деревянную звонницу, построенную въ оградѣ церкви по рисунку Н. В. Гоголя.

Прошли къ группѣ асеевъ, насаженіемъ Н. В. Гоголемъ. Потомъ гуляли въ дѣловомъ Гоголевскомъ саду; я любовался и прудомъ, и шпигулей у пруда бузной, и орошными дубами, и зарослемъ березы, и асиами, и тополемъ, и кленомъ... Хороню было въ тѣмъ этотъ садъ.

Ольга Васильевна Головина, родная сестра Н. В. Гоголя, чудная старушка добрая, привѣтливая. Ей 78 лѣтъ, но садъ на ней можно бы дѣтъ болѣе шестидесяти. Обѣда она во все свѣтлое и совершенно не терпитъ чернаго чѣфта.

— Съ тѣхъ поръ, какъ пришлось носить трауръ по братѣ... — сказала мнѣ она.

Неприятель ее къ черному чѣфту была одной изъ причинъ, почему не показала она въ Москву на чествованіе памяти брата.

Пришлось бы отбавиться давъ панциря на черное... Она не держитъ даже черныя юбки и куртъ, только бѣлая и нестерки держитъ.

Ольга Васильевна нѣсколько глупа на оба уха, но это не отъ старости: она съ дѣтства олохла, съ шести лѣтъ. Глупоу зналъ ее и любилъ ее великій братъ, и вотъ какъ отнеслась онъ къ этому ее недостатку.

— Однажды въ моемъ присутствіи... — разсказала мнѣ Ольга Васильевна... — братъ вѣлъ оживленнѣйшій разговоръ съ одной дамой. Потомъ я сказала брату: „Какъ жалко, что я глупа, не слышала вашего разговора!“... А онъ отвѣтилъ: „Это хорошо, что ты глупа: ничего дурного не слышишь!“

Я пробывъ въ Васильевкѣ нѣдѣлю. Ольга Васильевна нѣсколько разъ въ теченіе дѣтъ разсказывала о братѣ; я записала все, что услышала.

Помню и братъ хотѣлъ съ моего дѣтства. Мнѣ было уже двѣдѣть шесть лѣтъ въ 1822 году, когда онъ умеръ. Онъ былъ не шестидесяти лѣтъ старѣе меня: онъ родился въ дѣтствѣ, а я... въ двадцѣти лѣтъхъ году, и замѣтите, въ одинъ и тотъ же день, 19 марта, родился мнѣ онъ, первый сынъ, а я — послѣдній дѣтъ.

...ей семь. Это случайность, как это было. У нашей матери было два выкидыша... После того родители молчались предъ чудотворной иконой и дажи обещали, что если родится у них сын, то назвать его Николаем, по личу свитателя Николаи Чудотворца.

Брать любили аспоминать о томъ, почему назвали его Николаемъ. Какъ только мать оправилась, переѣхала съ новорожденнымъ въ Васильевку. Здѣсь онъ и росъ, и жилъ... Да, я очень хорошо помню брата... Волосы у него были русые, а глаза — коричневыя. Въ дѣтствѣ у него были свѣтлые волосы, а потомъ потемнѣли. Особенно у него потемнѣли волосы послѣ того, какъ онъ обрѣлся въ Петербургѣ. Существовало такое убѣжденіе, что кто изъ Малороссіи прѣѣхаетъ въ Петербургъ, на того вода петербургская такъ дѣйствуетъ, что волосы аыаѣзываютъ... И братъ, какъ прѣѣхалъ въ Петербургъ, обрѣлся. После того волосы у него потемнѣли. Возилъ съ нимъ дажег отсюда, онъ и тому совѣтовалъ обрѣсть, но дажег не послушался и аысѣмъ сталъ... Росту братъ ниже среднего; худощавымъ я его никогда не видѣла; лицо у него было круглое, какъ видите на портретѣ, и всегда у него былъ хорошій цвѣтъ лица, я не аыдала его болѣзненно-блѣдымъ... Немного онъ былъ сутуловатъ, это замѣтнѣе было, когда онъ сидѣлъ. Говорятъ, гдѣ-то, кто-то слышалъ, какъ онъ малороссійскія пѣсни пѣлъ, а я же слышала, какъ онъ пѣлъ. Онъ любилъ слушать, какъ поютъ аяе играючи. Меня часто просилъ играть ему на фортепиано малороссійскія пѣсни. «А ну-ка,—говоритъ,—сыграй мнѣ „Чоботы“... Стану играть, а онъ слушаетъ, и ногой приговариваетъ... Ужасно любить онъ малороссійскія пѣсни... Видѣла я, какъ онъ разъ ницѣлъ, посылалъ, и онъ ему пѣлъ... Но это онъ хотѣлъ сдѣлать такъ, чтобы никакъ изъ насъ не вышло: онъ позволялъ жѣ въ себѣ же кому-то... Братъ жѣ тогда во фантелъ... Я рассказывала эту же случай художнику Волкову, а онъ картину такую нарисовалъ...

...Онъ былъ мнительнымъ: не раскваторился бы; часто дѣлался. Просилъ меня дѣлать ему цѣлебныя настоики. Мы ходили съ братомъ въ степь, и онъ указывалъ мнѣ тамъ цѣлебныя травы, о которыхъ, впрочемъ, онъ и самъ аыалъ мало... Указывалъ желтенькія цвѣточки, похажива на пуговники, а листья какъ у рубины, и говорилъ:

— Это — „рубинка“, полезная трава... Ты сдѣлай мнѣ изъ нея настоику.

Еще просилъ сдѣлать настоику, которая называется „Бѣлая неохорщи“, и дѣлалъ этой настоикой.

...Братъ вставалъ въ шесть часовъ утра, пилъ кофе и садился писать. Иногда послѣ утренняго кофе шелъ въ аѣсокъ, по ту сторону пруда, понаблюдать, какъ тамъ работаютъ: расчищали аорожки, и уже вернувшись оттуда, садился писать. Занимался до часу дня, иногда до двухъ. Онъ каждый день писалъ; кажется, насколько я помню, и въ праздники братъ писалъ. После зѣлѣтій уходилъ въ садъ гулять. Потомъ обѣдали. После обѣда, часа въ четыре, братъ уходилъ каждый день пѣшкомъ въ Яворовищину, — тамъ пасѣла наша и дѣсь. Это за четыре версты отсюда. Около семи часовъ вечера онъ возвращался домой; пѣ собирались въ гостиной и занимались какою-нибудь рукодѣлемъ.

Иногда братъ говорилъ.

— Вотъ вы пѣ за дѣломъ, а у меня нѣтъ работы.

И принимался раскрывать библейскія картинки, которыя онъ привезъ. Эти картинки, размалеванныя красками, онъ просилъ меня раздѣть мужиками и обрисовать имъ, что на картинкахъ изображено, и просилъ рассказывать мужиками библейскую исторію.

Домъ Н. В. Гоголя въ Васильевскѣ (разрушенъ).

...Съ каждымъ прѣѣдомъ все чаще жаловался братъ на боля въ груди.

— Вотъ тутъ боля, — показывалъ онъ.

Ходила онъ очень боланъ. Въ послѣдній разъ онъ уѣхалъ отсюда съ намѣреніемъ прожить зиму въ Римѣ, но заѣхалъ въ Москву, а тамъ друзья стали упрямивать его остаться, пожить въ Россіи, не ѣздить въ Римъ... Братъ очень отговаривался, все повторалъ, что ему вредны морозы... А нааъ ничъ подшучивали, уверяя его, что это все ему только такъ представляется, что отаанно онъ перенесетъ зиму въ Россіи... Уговорили брата. Онъ остался — и умеръ.

Есть въ народѣ такое повѣрье: если строившій домъ подрѣзчикъ рассердится на хозяина и если „заложитъ домъ на его голову“, то несчастныя тѣлобѣты надъ тѣмъ домомъ. Въ нашей семьѣ аѣхъ мужичиы умирали... Мы рѣшили, что просятій этого домъ, и срыли его, а новый построили, хотя и рядомъ почти съ прежнимъ, но все же на другомъ мѣстѣ...

Когда я слушала этотъ рассказъ, мнѣ думалось, что въ большомъ чудномъ прудѣ Васильевскія еще живутъ русалки, и что ночью можно было бы видѣть, какъ онѣ выходятъ на берегъ пѣть заунывные пѣсни и расплывать свои динныя косы... И мнѣ жалъ было, что не могу я остаться въ Васильевскѣ на „Майскую ночь“...

Церковь въ Диканькѣ (существуетъ).

АРУБЕЖНОЕ ПОТОМСТВО ПУШКИНА.

Наш великий поэт принадлежал к весьма почтенному старинному дворянскому русскому роду, а часть его потомства вошла в замкнутый и трудно доступный круг — общероссийской международной европейской аристократии. «Войска Пушкины с ширин», сказать о кавалерии своих предках, по сему и не стоило, что его потомки не только будут «войска» с представителями царственных династий, но подуть с ними в более близкие, семейные связи, что его родной внук выступит когда-нибудь в качестве законного претендента на один из европейских престолов.

Здесь помещен портрет блестящей молодой представительницы лондонского большого света — графини де Торби. Она вдова члена английской королевской семьи, принца Алек-

сандра Баттенбергского, офицера Британского флота. Родилась она — князь Великая Князь Михаил Михайлович, внук императора Николая I, и графиня Софи де Торби (род. в 1868 г.) получила это имя и титул от великого герцога Люксембургского при выходе ее замуж за Великого Князя (вн. Саль-Рема, 1891 г.). Она — рожденная графиня Меренберг, дочь принца Николая Нассауского и егоmorganaticкой супруги, графини Натальи Александровны Меренберг, младшей дочери Александра Сергеевича и Натальи Николаевны Пушкиных.

Наталья Александровна Пушкина родилась в Петербурге 23 мая 1836 г. Отец, который умер, когда она была восьмилетним ребенком, она не помнит и вышла из семьи Ланских (вдова поэта в 1844 г. вышла за Б. П. Ланского, командира лейб-гвардии Конного полка, впоследствии генерал-адъютанта). На семнадцатом году она вышла замуж за Михаила Леонтьевича Дубельта (род. 1822 г.), сына того Л. В. Дубельта, который, в качестве начальника штаба корпуса жандармов, наблюдал за ее отцом и после смерти Пушкина разбирал по Высочайшему повелению его бумаги. Интересно заметить, что в жемане Л. В. Дубельта, мать которого была знатная испанка, текла кровь испанской королевской крови. Брак «Таш» Пушкиной с М. Л. Дубельтом, который был тридцатью годами старше, был весьма неудачен и в 1862 г. супруги разошлись, причем у Н. А. остались на руках трое маленьких детей, а средства были истощены крупными карточными проигрышами М. Л.; она оставила Петербург и переехала на службу в провинцию (был впоследствии командантом Александровской крепости в Кавказе и умер в 1900 г. в чин генерал-лейтенанта) Н. А., унаследовавшая от своей прославившей матери замечательную красоту, в свои молодые годы крой английской сивы в столичном свете. На одном из приданых был ее пономарем с приданным в Россию принцем Николаем Вильгельмом Нассауским, офицером прусской службы, едвардовичный брат которого, принц Адольф, стал впоследствии великим герцогом Люксембургским. Завязались роман, брак с М. Л. Дубельтом был расторгнут, но еще ранее окончания бракоразводного процесса Н. А. выехала в Лондон с принцем Нассауским (1867 г.), предварительно подав от него принца, владетельного князя Георга Вальдес-Пирмонте, титул и фамилию графини Меренберг; для своей жены и титул и сам принц Николай, и его брат не могли, так как незадолго до того герцогу Нассауское было присоединено к Пруссии («Нассауская провинция»), и владетельный дом превратился в обыкновенную знатную фамилию и лишился своих державных prerogatives, которые возратились лишь четверть века спустя, когда его старший представитель, принц Адольф, женатый на великой княгинь Елизаветы Михайловны, наследник императора Николая I, занял Люксембургский великогерцогский трон. Со времени своего замужества графиня Н. А. Меренберг жила из-границей, преимущественно в Бадене, а последние годы в Киниг, где умерла 10 марта 1913 г. из дома своей старшей дочери, графини С. Н. де Торби (вдова «Кабеск»). Вн. Родина она принадлежала Рюкю;

Графиня Надежда Торби,
дочь Великого Князя Михаила Михайловича.

Часы (бронза), при-
обрѣтенные П. Н.
Демидовымъ въ Па-
рижѣ, въ XVIII ст.

ИЗЪ СОБРА-
НІЯ П. А.
ДЕМИДОВА.

Часы Томира, сдѣ-
ланные въ Парижѣ
по заказу Н. Н.
Демидова.

Часы, пожалованные Екатериной II
Прок. Акинф. Демидову послѣ
учрежденія Демидовскаго Комер-
ческаго училища въ Москвѣ.

Посланныкъ въ Флоренціи т. с. Ник. Ник. Демидовъ;
ему во Флоренціи поставленъ памятникъ на Piazza Demidoff; супруга его —
Елизавета Александровна, рожд. бар. Строганова
(ея портретъ напечат. въ № 57 „Ст. и Ус.“); налѣво на камнѣ видны тѣ же часы.
(Съ гравюры).

ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ КИТАЯНКА.

История русского театра, фиксирующая исключительно крупные артистические имена сценических художников, почти игнорирует ряд имен, может быть и не столь громких, но имеющих таланты, таланты, заставлявших в свое время трепетать сердца театралов при одном их упоминании.

К ряду таких забытых имен принадлежит имя прелестной актрисы и дивушки Степановой 2-й, прожившей на сцене Александринского театра только три года и умершей в 19-м году.

Анна Матвеевна Степанова, родившаяся известной оперной артисткой Марии Матв. Степановой, родилась в Петербурге 6 декабря 1819 года. Младшей она была отсуд из театральной семьи. Рано проявила большие сценические способности, она, еще будучи воспитанницей, стала появляться на сценах Большого и Александринского театров, временно играя из водевилей с пением роли названных дивушек.

В большинстве комедий и драмах Степанову не занимали; как исключение она играла роль юной княжны Тутоуковой из "Горе от ума" и, в очередь с В. М. Асенковой, Марию Антоновну из "Ревизора". Чаще занимали ее в опере, поручая небольшие, но ответственные партии.

Ролью водевильных, сграничив Степанову, и не перечисляя. Еще до выхода из театрального училища она перенесла до пятидесяти пьес, в которых, по общему признанию рецензентов того времени, была безукоризненно хороша. Даже в маленькой роли ботушки Розы в водевиле Ф. А. Кони "Карета" Степанова имела большой успех, и Александринский театр гулял от криков и аплодисментов, причем особенный восторг зрителей вызывал куплет, который Степанова исполняла необыкновенно грациозно и игриво и всегда повторала два-три раза.

Что блазательный, жинье,
Как военный, напиривать!
Что для дивушек милые,
Как гусарский офицер.
Величаний,
Усь курчавый,
Весь из шитья из серебра;
Порубиться,
Волочиться —
Весь гусары мастера.
От мужика и пера
Маме не снится до утра.
Мы все, женщины, так
Славим:
Без защиты трудно жить,
И я всею совет дала бы —
За военных выходить.

Степанова быстро сдвинулась любимицей петербургской публики и, несмотря на то, что выступала на одной сцене с В. М. Асенковой, имела гибель поклонников среди гвардейской молодежи и театралов.

В конце 1836 года Степановой выпала новая роль, которая доставила ей большой успех и которая, главным образом содействовала употреблению имени ее, как актрисы, в дивушечных театрах.

По Петербургу еще с осени 1836 года носился слух о величайших притоптываниях, которая дала дирекция Императорских театров для постановки новой оперы Обера "Бронзовый конь". Городские языки баяли, что опера ставится по настоянию одного высокопоставленного лица специально для А. М. Степановой. Билеты на первое представление были раскуплены немедленно.

"Все, что только князь-нибудь образом могло достать какому-нибудь билету, потонуло, в Большой театр. Мы были в числе счастливиц, и хотя нам пришлось сидеть чуть ли не в 17 ряду ярусом, но мы разоглались и этому незадачному месту, читали мы из "Сверной Печалы".

"Бронзовый конь" — одна из слабейших опер Обера. В ней изъезжены даже прелестные мотивы, которыми так богата "Фенсала" того же Обера, имевшая между прочим в 30-х годах прошлого столетия большой успех на русской и немец-

кой сценах. Поставлена была опера с необыкновенным великолепием: все костюмы были сделаны новыми и отличались богатством и вкусом; декорации, славные эффекты и машины привели зрителей в восторг, особенно декорация города, раскинутого на крутом берегу реки, рисованная знаменитым Готтлофом. Искусства представляла также волшебный сад, украшенный огромными каскадами и фонтанами настоящей воды. Эта декорация была написана Андреем Роллером, который устроил и все машины.

Невозможно представить себе ничего великолепнее, ничего восхитительнее этого сада", писан "Литературные прибавления Русского Иллюстратора" 1837 г.

Однако, несмотря на внимание было красавица А. М. Степанова, Небольшого, но красивого, приятного и звонкого голоса ее артист было достаточно для роли китаянки Пекси. Китайский костюм очень шель за ее прелестною личику. Успех артистки был громадный. Оперу продолжали ставить и в 1837 и 1838 году. "Сверная Печала" 1837 г.

История этого сада", писан "Литературные прибавления Русского Иллюстратора" 1837 г.

"Бронзовый конь" все еще дается поныне сборы. Выходя из восторгов декорации, еще больше очаровательная китаянка г-жа Степанова. Игра ее уверена, а голоса звучит еще приятнее и слышнее. Неужели вы еще не видели, не слышали ее в роли Пекси? Стало, стало! Скорее запасайтесь билетом, и вы получите большое эстетическое наслаждение. Г-жа Степанова уже сдвинулась знаменитостью. Художник Гау нарисовал с нее акварельный портрет, в старинных магазинах продают гравюры с ее изображением в роли Пекси, даже на форфорных вазах и чайных сервизах вы можете увидеть прелестное личико г-жи Степановой, поудавишки, поудавишки, из милой китайской шапочки. Очаровательная китаянка села с ума весь Петербург. Скорее, скорее бегите в Большой театр".

После успеха молодой артистки из этой оперы, Степанова стала чуть ли не ежедневно заимать из модных тогда водевилей с пением. Директор Императорских театров А. М. Глебович обратил особенное внимание на дарование А. М. Степановой. Видя, что она прелестно способна, воспитанница школы, директор пригласил для заветий с ним М. И. Гинку.

Сам М. И. Гинка в своих записках восторженно говорит об этих уроках. "В конце лета (1837 года) Глебович, с которым послы постановки моей оперы в борьбе и борьбе сбли-

зился, попросил меня учить лично в театральном школе актрисам и четыре дивушки. Все они были хорошенькие, между ними была также известная в то время красавица Степанова, игравшая роль Пекси в "Бронзовом коне". Время, проведенное мною с этими милыми натурами, полнократно, принадлежит, может быть, к самому лучшему в моей жизни: из-за рьяного боления, звонкий, искренний смех, самая простота скромного нрава, которому, несмотря на то, они умели придавать особенную прелесть, все это было для меня ново и увлекательно".

Весною 1838 года Степанова оставила театральную школу и была зачислена в труппу Александринского театра. Но очаровательной актрисы, еще до выхода из школы успевшей составить себе имя, не суждено было долго услаждать петербургскую публику. 9-го декабря 1838 года, девятилетней от роду, Погребена она на Смоленском кладбище, недалеко от собора.

Только три года А. М. Степанова зарвала своим трагическим, изумительным талантом петербургскую публику, но ее очаровательный, поэтический образ в дивушечных Александринского театра сохранился навсегда.

А. М. Брынский.

А. М. Степанова.
Из собр. рис. А. Ф. Кони.

